

Е.В. Белякова*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «БЛАГОЧЕСТИЕ»
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII ВЕКАdoi:10.31518/2618-9100-2024-2-17
УДК 94(47)046

Выходные данные для цитирования:
Белякова Е.В. Трансформация понятия «благочестие» в русской культуре XVII века // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 237–252.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-17.pdf>

E.V. Belyakova*

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF “PIETY”
IN RUSSIAN CULTURE OF THE 17TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2024-2-17

How to cite:
Belyakova E.V. Transformation of the Concept of “Piety” in Russian Culture of the 17th Century // Historical Courier, 2024, No. 2 (34), pp. 237–252.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-17.pdf>]

Abstract. This article continues to consider transformation of the concept of piety adopted in Russian culture of the 16th century political content. In the 16th century the idea of «pious» Russian rulers and the fact that Rus’ surpassed all other countries in piety took shape. This concept was set out in the Stepenaya kniga and in the Charter on the Establishment of the Patriarchate. The article shows, that Moscow publications of the first half of the 17th century necessarily call the Tsar “pious”, and the Russian kingdom – “shining in piety”. But already from the 30s of the 17th century they also contain a new theme of book correction, which is presented as the task of a pious tzar. In the widespread anonymous “Cosmography” “piety” appears as an attribute of the earth and it is said about the Moscow kingdom that there is no one similar to it in piety. In Kiev publications of the same period, “piety” is associated with the Eastern Church. At the same time, there is an appeal to the “pious reader” and the publisher is also characterized as “pious”; the concept of “zealots of piety” is also widely used. The article questions the correctness of calling the circle of clerics close to the court of Alexei Mikhailovich “zealots of piety.” Using examples from the works of Grigory Neronov and Archpriest Avvakum, it is shown that the spread of the concept of “ancient piety” is connected with the theme of the fight against “heresies.” Among opponents of reforms, the concept of “defenders of ancient piety” and “suffering for piety” became widespread. It is used especially often in the work “Russian Grapes” by Semyon Denisov, created in the 30s 18th century. By “ancient piety” they understood church tradition and existing customs undamaged by the Latin “heresy” or “Nikon’s innovations”. However, there was no unity in understanding the methods of preserving “ancient piety,” as shown by disputes about the widespread practice of self-immolation. In the literary tradition of the Vyg school, the idea was established that the preservation of piety is associated with following old printed books, and persecution by the official church was interpreted as persecution of piety. The Old Believer tradition preserved the concept of piety flourishing in Rus’, but associated it with pre-reform times. At the same time, it was asserted, that piety still shines in the Vyg monastery. As the texts of Patriarch Adrian and Afanasy Kholmogorsky show, the expression “Eastern piety” appeared in the official church. The idea of piety shining in Rus’ contributed to the creation of a mythology about Russia as the last stronghold of Orthodoxy.

Keywords: Piety, prefaces to printed publications, Kiev printed publications, Old Believers, book correction.

* Елена Владимировна Белякова, кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: elbel@list.ru

Elena Vladimirovna Belyakova, Candidate of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: elbel@list.ru

The article has been received by the editor on 12.27.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению трансформации концепта «благочестие», приобретшего в русской культуре XVI в. политическое содержание. В XVI в. окончательно оформилось представление о благочестивых русских правителях и о том, что Русь превзошла благочестием все другие страны. Такая концепция была выражена в Степенной книге и в Грамоте об учреждении патриаршества. В статье показано, что московские издания первой половины XVII в. обязательно называют царя «благочестивым», а русское царство – «сияющим в благочестии». Но уже с 30-х гг. XVII в. в них звучит и новая тема – необходимости книжного исправления, которая подается как задача благочестивого царя. В распространенной анонимной «Космографии» «благочестие» выступает как атрибут земли, и о московском царстве говорится, что подобного ему по благочестию не обретается. В киевских изданиях этого же периода «благочестие» ассоциируется с Восточной церковью. Одновременно присутствует и обращение к «благочестивому читателю», издатель также характеризуется как «благочестивый», широко употребляется понятие «ревнители благочестия». В статье ставится под сомнение правильность употребления термина «ревнители благочестия» к кругу клириков, близких ко двору Алексея Михайловича. На примерах из произведений Григория Неронова и протопопа Аввакума показывается, что распространение понятия «древнее благочестие» связано с темой борьбы с «ересями». В среде противников реформ понятия «защитники древнего благочестия» и «страдание за благочестие» получили широкое распространение. Особенно часто они употребляются в произведении «Виноград Российский» Семена Денисова, созданном в 30-е гг. XVIII в. Под «древним благочестием» понимались неповрежденные латинской «ересью» или «никоновскими новинами» церковное предание и существовавшие обычаи. Однако в понимании методов сохранения «древнего благочестия» не было единства, что показывают споры о распространившейся практике самосожжений. В литературной традиции Выговской школы утвердилось представление о том, что сохранение благочестия связано со следованием старопечатным книгам, а гонения со стороны официальной церкви трактовались как преследования благочестия. Староверческая традиция сохранила концепцию цветущего на Руси благочестия, но связывала его с дореформенным временем. Одновременно утверждалось, что в Выговской обители благочестие сияет по-прежнему. Как показывают тексты патриарха Адриана и Афанасия Холмогорского, в официальной церкви появилось выражение «восточное благочестие». Представление о сиявшем на Руси благочестии способствовало созданию мифологии о России как последнем оплоте православия.

Ключевые слова: понятие «благочестие», предисловия к печатным изданиям, киевские печатные издания, старообрядчество, книжное исправление.

Статья поступила в редакцию 12.27.2023 г.

Понятие «благочестие» заняло особое место в русской политической культуре XVI в. Благочестие русских князей стало основным стержнем Степенной книги, вокруг которого и был построен этот, по определению Н.Н. Покровского, «первый обобщающий курс истории страны и династии»¹. Дискурсу Степенной книги соответствовала и Грамота об учреждении патриаршества, в которой была дана чеканная формула о том, что «великое

¹ Покровский Н.Н. Степенная книга царского родословия и ее новое издание // The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness. V. 7. UCLA Slavic Studies. New Series. Bloomington, Indiana, 2011. P. 3.

Российское царство, третий Рим, благочестием всех превзыде»². Эпитет «благочестивый» по отношению к московскому царю стал неременным атрибутом всех литературных жанров, а тема «сияющего благочестия» на русской земле стала топомосом в русской публицистике XVI в.³

Представляется актуальным охарактеризовать процесс трансформации этого понятия в XVII в.

Печатные издания. В предисловиях и послесловиях к печатным изданиям первой половины XVII в. только цари назывались «благочестивыми» (никогда это понятие не употреблялось по отношению к патриархам), и последовательно использовалась датировка «в N лето благочестивыя державы царства». Согласно предисловиям, московский царь не просто благочестив, по отношению к нему обычно употреблялись словосочетания «всего благочестия исполнитель»⁴, «истинный поборник благочестия»⁵, «верный благочестию страж»⁶ и «благочестивейший»⁷. «Благочестия рачитель» – так говорится о Михаиле Федоровиче в московском издании Маргарита⁸.

Эпитет «благочестивое» употреблялся и по отношению к царству: «...яко да сияет благочестивое царство его»⁹, «духовную пользу благочестивому царьствию». Последний пример взят из послесловия к московскому изданию Апостола 1631 г., которое особенно богато на употребление этого концепта. Здесь и «благочестивый государь», и «истинный рачитель благочестия», и «благоразумне во благочестивой <...> христианьской вере <...> цветуще совершенным благочестием, ревнуя добродетелям древних святых иже во благочестии просиявших царей», и даже «благочестием всея вселенная в концех возсиявшего»¹⁰. Это послесловие было повторено и в Уставе 1633 г., и в Апостоле 1633 г., и в Минее служебной за сентябрь 1644 г., и в Минее служебной за март 1645 г. Оно было воспроизведено с заменой имени царя и в послесловиях к Минеем за ноябрь и декабрь, изданным уже при Алексее Михайловиче в 1645 г. (только в Минее за октябрь это послесловие было сокращено).

Таким образом, в изданиях, вышедших и при новой династии, не патриарх Филарет выступал поборником благочестия, а царь Михаил Федорович, чье сияющее благочестие прославлялось из послесловия в послесловие, и это воспроизводилось в изданиях, вышедших при его сыне Алексее Михайловиче.

В тексте Послесловия к Евангелию учительному 1633 г., повторенному в Триоди цветной 1635 г., сияние благочестия связывается новаторски с книжным исправлением и просвещением: «Благочестивому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Русии самодержцу о исправлении книжном и о словеси истинном извожением печатными писмены раздавати всем богатство благочестия ко спасению душам христианскаго народа многочисленнаго словенскаго языка... да сияет благочестивое царство его святолепным просвещением всегда»¹¹. Концепт благочестия неожиданно приобретает новое звучание: царь может через исправленные книги «раздавати всем богатство благочестия», т. е. понятие «благочестие» звучит уже в контексте издания и исправления книг и просвещения. В Послесловии к Требнику иноческому 1639 г. благочестие царя также связывалось с «исправлением книжным»: «...зане не малу вину быти благочестию вмени, о еже како изыскати, кая и откуда есть вина разгласия божественных писаний церковнаго соединения»,

² Идея Рима в Москве XV–XVI вв. Источники по истории русской общественной мысли. Рим; М., 1989. С. 187.

³ Белякова Е.В. Особенности употребления понятия «благочестие» в XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 1 (91). С. 18–25.

⁴ Служебник. М., 1602. Л. 1.

⁵ Устав. М., 1610. Л. 2; Служебник. М., 1627; Служебник. М., 1633. Л. 514 об.; Минее служебная. М., 1635. Л. 416.

⁶ Служебник. М., 1633. Л. 514 об.

⁷ Требник иноческий. М., 1639. Послесловие. Л. 16 об.

⁸ Маргарит. М., 1641. Л. 2.

⁹ Октоих. Ч. 1. М., 1631. Л. 475; Евангелие учительное. М., 1633; Триодь цветная. М., 1635. Л. 639 об.

¹⁰ Апостол. М., 1631. Л. 309, 309 об., 310 об.

¹¹ Евангелие учительное. М., 1633. Л. 593; Триодь цветная. М., 1635. Л. 639–639 об.; Триодь цветная. М., 1648. Л. 577 об.; Триодь цветная. М., 1653. Л. 613 об.–614.

поэтому царь «во благочестии и правде и святыни воспитанный восхоте несогласных в божественных писаниях согласиим исправить»¹².

В Послесловии к изданию Ефрема Сирина 1647 г. об Алексее Михайловиче говорится как о самодержце «в прочих вселенных концев славимого благочестием и верою, истинного хранителя христианского закона и блюстителя заповедей господних, еже изводити печатным тиснением божественного и христианского закона книги»¹³. И его задача «повелети ему исправи сея душеполезныя книги»¹⁴. С благочестием царя связана тема исправления книг в Послесловии к изданию Лествицы 1647 г.: «...ведый убо он государь благочестивый царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец, яко в божественных словес писании многое неисправление, ово от преводников, ово от преписующих»¹⁵.

Итак, в концепт «благочестивого царя» вошло и понятие о книжном исправлении. Появление этой темы было неизбежно в связи с исключительно государственным характером книгопечатания в Москве, что отличало его от других европейских стран. И нужно отметить, что эта тема появилась в изданиях с 30-х гг. XVII в.

Издания Киевской митрополии были хорошо известны московским книжникам¹⁶. Концепт благочестия получил в них другую, чем в Московском государстве, трактовку, что связано с иной культурно-конфессиональной ситуацией, а также с влиянием западноевропейской литературы, в которой тема «devotio» или «pietas» была предметом обсуждения и дебатов на протяжении нескольких веков¹⁷. Так, в «Книжке» Иоанна Вишенского благочестие противопоставлялось ереси, но определение благочестия давалось через личную добродетель: «Благочестие ест безиспытно несумненна вера, упование истинно, крепость умнодушевная, здравый помысл, благоговенство к Богу, простота, незлобие конечное»¹⁸.

В печатных изданиях Киевской митрополии в ектеньях «богохранимый» государь, принадлежавший к другой конфессии, не назывался благочестивым, но за князьями этот титул сохранился¹⁹. Благочестие стало атрибутом не царя (точнее короля), а Восточной церкви. В Часослове, изданном в Киеве в 1617 г., архимандрит Киево-Печерской лавры Елисей Плетенецкий писал о себе: «...в благочестии церкви восточныя ревнууй пребываю»²⁰. Благочестие и здесь «сияет», но от церкви: «И от Вьстока и от Иерсалима светом благочестия осияваем»²¹ или «Тем же убо от Вьстока леть есть нам благочестие съ всяким благочинием церковным вьсприимати и облобызати»²², «постояния в благочестии церкви Христовы восточныя»²³. Благочестие коррелирует не с царством, а с догматами («с истинными догматами благочестия нашего»²⁴). В Анфологионе Елисея Плетенецкого (1619 г.) дважды прозвучало обращение ко «всякому благочестивому и трудолюбивому читателю»²⁵, как и в киевском Октоихе воскресном, изданном в 1629 г. К «благочестивому читателю» обращался и издатель Октоиха, напечатанного в 1646 г. в Кутеинском монастыре. Издатели книги также

¹² Требник иноческий. М., 1639. Послесловие. Л. 16 об.–17.

¹³ Ефрем Сирин. Поучения. М., 1647. Л. 349.

¹⁴ Там же. Л. 350.

¹⁵ Лествица. М., 1647. Л. 309 об.

¹⁶ Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 36–37, 44–46; Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007; Савельева Н.В. Издательская политика Московского печатного двора от «Книги о вере» до «Анфологиона» // *Quaestio Rossica*. 2022a. Т. 10, № 4. С. 1463–1482.

¹⁷ Логутова М.Г. *Devotio moderna* // *Православная энциклопедия*. М., 2007. Т. XIV. С. 280–282; Hamm B. *Religiosität im späten Mittelalter / Spannungspole, Neuaufbrüche, Normierungen*. Hrgb. Reinhold Friedrich und Wolfgang Simon. Tübingen, S. 17–19; Jung M. *Frömmigkeit und Theologie bei Philipp Melanchthon: das Gebet im Leben und in der Lehre des Reformators (Beiträge zur historischen Theologie:102)*. Tübingen, 1998. S. 4.

¹⁸ Иван Вишенский. Сочинения / подг. текста, статья и коммент. И.П. Еремина. М.; Л., 1955. С. 121–122.

¹⁹ Часослов. Киев, 1617. Л. 26.

²⁰ Там же. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 7.

²² Там же.

²³ Иоанна Златоуст. Беседы на 14 посланий св. апостола Павла. Киев, 1623.

²⁴ Кирилл Транквилион. Евангелие учительное. Киев, 1619. Л. 1.

²⁵ Анфологион. Киев, 1619. Л. 1, 7.

награждались эпитетом «благочестивые»: кир Иов Борецкий – «учитель сый благочестия», Захария Копыстенский – «муж ревности презельный в благочестии»²⁶, «благоподвижнии и благочестивии друзи» (о Стефане Берынде и Андрее Наумовиче в издании Беседы на Деяния св. Апостол Иоанна Златоуста)²⁷. В издании Бесед на 14 посланий св. апостола Павла Иоанна Златоуста читателям желают «любви, мира и постоянна в благочестии церкви Христовы восточныя»²⁸. Таким образом, царскую монополию на благочестие, как и представление о благочестивой державе, заменяет концепт благочестия Восточной церкви и также благочестивого издателя и благочестивого читателя.

В «Советовании о благочестии», составленном в Киевской митрополии в 1621 г., выдвигается целая программа распространения благочестия среди духовенства, иерархии и народа. В частности, предлагается «Книги на оборону благочестия писати и през типографию выдавати»²⁹ и на иерейство посвящать достойных, разумных и знаменитых во благочестии ревнителей («достойных и разумных и во благочестии знаменитых ревнителей на иерейство даром, а не на мзде поставлять»³⁰). В грамоте, разосланной митрополитом Петром Могиллой с призывом на Собор 1640 г., содержится обращение к «благочестивым и христоролюбивым их милостям паном братьям крестоносного Братства Луцкого». В тексте грамоты употребляется и слово «побожный»³¹, и «благочестие». На собор призывают «братий ревнивых в благочестию и ведомых прав церковных», а также говорится о необходимости вернуться к обычаям «давних предков наших (за которых благочестие восиало)»³².

В обращении к московскому царю киевские иерархи, особенно сторонники присоединения к Московскому государству, непременно употребляли термин «благочестивый». Архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель в 1669 г. в предисловии к «Миру с Богом человека», адресованному царю Алексею Михайловичу, постоянно писал о благочестии царя и о «благочестивом царстве». Он истолковал и двуглавого орла: «За первую главу имать свою царскую над всеми область; обаче за вторую главу равно почитает и благочестие». Но к концепту благочестивого царя («благочестием и ревностию ясно сияюще древних благочестивых царей истинным быти ревнителем изъявляет») добавлено понимание благочестия как личной добродетели Алексея Михайловича: «Тако и благочестие над всеми добродетелми твоими началствует», царь «ревностным благочестием распален сущи». Появилась и новая конструкция по отношению к Богородице – «за твое к Ней благочестие». В этом Предисловии сочетается традиционное представление о благочестивом царе и одновременно говорится о благочестии как о личной добродетели³³.

Из изданий киевской митрополии этикетная формула «благочестивого читателя» перешла и в московские издания. Так, в Предисловии к изданию Маргарита 1641 г., повторяющему острожское издание, говорится «елико бо благочестивии христоролюбцы с прилежанием прочиташе ея» и упомянуты «благочестивых сердца»³⁴.

«Благочестивые земли» в Космографии. О том, что в русской мысли «благочестие» воспринималось не столько как личностное явление, а скорее как атрибут государственности, свидетельствует Анонимная космография, известная по спискам конца XVII в. Этот памятник был без каких-либо комментариев опубликован А.Н. Поповым среди текстов,

²⁶ Анфологион. Киев, 1619. Л. 1, 7.

²⁷ Иоанн Златоуст. Беседы на Деяния св. Апостол. Киев, 1624. Л. 533.

²⁸ Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий св. апостола Павла. Киев, 1623.

²⁹ Советование о благочестии // Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов Высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе: в 4 т. Киев, 1848. Т. 1. С. 237.

³⁰ Там же. С. 234.

³¹ *Pobożny* – благочестивый (польск.).

³² Пригласительное послание митрополита Петра Могилы к Луцкой братии на Киевский собор 1640 г. // Памятники, изданные Временной комиссией... № 17. С. 149–158.

³³ *Иннокентий Гизель, архим.* Мир с Богом человеку или Покаяние святое, примиряющее Богу человека. Киев, типография Киево-Печерской лавры, 1669. Предисловие до его Царского Пресветлого Величества. Л. 1–9 об. (не нум.).

³⁴ Маргарит. М., 1641. Л. 1, 1 об.

«которые переписчики хронографов вносили в списки в виде приложений». А.Н. Попов указал четыре рукописи Космографии: из собрания Н.И. Егорова, Ундольского, № 704, Большакова, № 300 и рукопись из собственного собрания³⁵. Нам известен еще список: ГИМ, собрание Барсова, № 1475.

По-видимому, именно эта Космография упомянута в Ответе православных дьякона Федора: «Прежнее же наше благочестие старых книг Московского государства великого не едины древние вселенские патриархи при прежних благочестивых царех похваляху и удивляхуся, но и прежде тех похваляет в Книге Космография веру нашу паче всех царств и земель сице: нигде несть такая правая веры, якоже в Московском государстве, аще и быша и еще есть во иных землях вера Христианская, но много с ересью смесишася, а такая уже под солнцем веры честная несть, какова в Рустей земли. И сия книга Космография греческим языком глаголется, а по-русски описание света; о всех ту землях писано, и о нравах, и обычаех, и что в коей земли родится, и чем богата, и какова в коем царстве вера»³⁶. Эти слова вошли в сокращенную редакцию Ответа православных, широко распространенную в старообрядческой традиции³⁷.

Космография в рукописях имеет заглавие «Книга, глаголемая Козмография, сложена от древних философ, преведена с Римскаго языка». Начало: «Искони зиждитель Бог созда человека самовластна, словесна и разсудителна...». Мы не можем указать европейский источник этого сочинения. Но в русском переводе при характеристике каждой страны отмечается степень благочестия. Италия (она помещена первой) «веру имать от проповеди апостольского благочестия, грады же в них и епископы и монастыри яко звезды в небеси сияют», но в конце статьи говорится, что «ныне неистовства ради своего впадше в Римскую и в латынскую ересь»³⁸. Второй помещена «Греческая земля» «благочестием же православная веры и святых отец седми соборов утвержена»³⁹. Про Францию (9-е место) говорится: «ныне же от благочестия и от веры христианския заблудилися»⁴⁰. Про Россию (12-е место) говорится, что «вера же благочестивая и Божия церкви изрядно цветящееся <...> и по всей Европи, подобны земли Росийской в иных государствах веры и благочестия не обретаются»⁴¹. Но дальше о людях говорится, что «человецы в той же земли добродородны, брадами сановиты и платьем цветны, нравы же в них не постоятельны и корысти желательны»⁴². Несомненно, что в этом тексте благочестие выступает как синоним истинной христианской веры (православия). Так, про Британские острова (на 15-м месте) говорится, что «вера же их прежде была благочестивая и крещены были от царя Константина, ныне же в них ересь люторская и евангелитская»⁴³.

«Кружок ревнителей благочестия»? Н.Ф. Каптерев ввел в историческую науку понятие «кружок ревнителей благочестия». Историком была создана схема, согласно которой всевластный духовник Алексея Михайловича сначала назначил протопопами в разные города священников, «которые были известны ему строгою благочестивою жизнью, начитанностью и учительностью», а затем «из этих ревнителей, рассеянных по разным городам, преимущественно патриаршей области, образовался тесный, довольно сплоченный кружок, главою, руководителем и опорой которого был Стефан Вонифатьевич...»⁴⁴. Каптерев делил ревнителей на столичных и провинциальных, чтобы объяснить происхождение раскола: «Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин и другие протопопы и священники, рассеянные

³⁵ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции (Приложение к Обзору хронографов русской редакции). М., 1869. С. 459–476.

³⁶ Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1881. Т. 6. С. 331.

³⁷ Титова Л.В. К вопросу о происхождении сокращенной редакции «Ответа православных» дьякона Федора Иванова // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 3–7.

³⁸ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей... С. 460.

³⁹ Там же. С. 461.

⁴⁰ Там же. С. 463.

⁴¹ Там же. С. 464.

⁴² ГИМ, собр. Барсова, № 1475. Л. 8. Этот фрагмент отсутствует в рукописи А. Попова.

⁴³ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей... С. 466.

⁴⁴ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 22.

по разным городам московского государства, ревновавшие о подъеме нравственно религиозной жизни духовенства и всего народа, составляли из себя в кружке ревнителей благочестия особую группу, которую мы в отличие от кружка ревнителей столичных (о них речь ниже) назовем провинциальною, так как в некоторых своих воззрениях эта группа существенно разнилась от воззрений группы столичных ревнителей, вследствие чего между ними, с течением времени, и произошел разрыв, вызвавший раскол в русской церкви»⁴⁵. Однако Н.Ф. Каптерев не привел никаких данных для подтверждения этих высказываний, и они носили чисто умозрительный характер. С.А. Зеньковский не пошел за Н.Ф. Каптеревым в вопросе о ревнителях и употреблял понятие «боголюбцы» и «движение боголюбцев»⁴⁶. Недавно вышедшее фундаментальное исследование А.С. Лаврова и А.В. Морохина «Ревнители благочестия. Очерки церковной и литературной деятельности» содержит исчерпывающую историографию вопроса о «ревнителях благочестия»⁴⁷. В то же время исследование показывает многочисленные пробелы в истории религиозных движений XVII в., связанные как с недостатком источников, так и с отсутствием новых публикаций источников. Авторы исследования не стали определять, что же они имеют в виду под «ревнителями благочестия»: реальный кружок при царе, религиозное интеллектуальное движение или сетевые связи (родственные, землячество) среди столичного и провинциального духовенства. Впрочем, это не помешало им писать о «первых кружках ревнителей благочестия» в Макарьевском Желтоводском монастыре и селе Лыскове⁴⁸. Допустимость употребления термина «ревнители благочестия» авторы доказывают ссылкой на послание Григория Неронова царице Марье Ильиничне от 2 мая 1654 г.⁴⁹ Между тем внимательное прочтение этого послания позволяет говорить о том, что Неронов называет «ревнителями благочестия» тех, кто уже подвергся преследованиям со стороны патриарха Никона: «Послушай нищаго, зовущаго ти усердно и во умилении мнозе скорби зрящее(а) Божии(х) воистину раб и ревнителе(й) благочестия, их же реку: отца епископа Павла и братию: Даниила протопопа костромскаго, и Аввакума протопопа юрьевского, и Логина протопопа муромскаго, и прочих любезных нам о Христе сверстник, любящих Божий закон и последующих Владыце нашему и Спасу Иисусу Христу, пострадавшему по нас, нам оставльшему образ, яко да последуем святым его стопам»⁵⁰. То есть речь идет о том, что перечисленных людей объединяют страдания от «мирская мудрствующих», а не какие-то более ранние объединения. Таким образом, у Неронова впервые появляется применение понятия «ревнители благочестия» к тем, кто оказался в конфликте со всевластным патриархом.

На наш взгляд, введение понятия «ревнители благочестия» применительно к священникам, назначение которых на места протопопов было продиктовано желанием Алексея Михайловича, увело от понимания содержания концепта «благочестие» и затруднило понимание сути предшествовавших реформе споров. В опубликованных в Приложении к книге А.А. Лаврова и А.В. Морохина «Спорных речах о единогласном пении» тема благочестия поставлена в привычный государственный контекст, но с изменением содержания. Признавая за Россией (отметим, что в тексте нет этого слова, говорится «зде») «главу и царство благочестия нашего восточного», автор критикует существующий здесь порядок многогласия, которого нет и в «протчех языцех нашего благочестия церквах», т.е. «в Сирии <...> или в греках, или в болгарех, или в сербах, или в Малой Росии». Иначе говоря, автор говорит уже о «восточном благочестии», как и киевские книжники. При этом подчеркивается международное значение российского православия: «Вы же тщитися зде, идеже благоговеют вси от всякого языка людие нашего звания, восточного благочестия приинкнути»⁵¹.

⁴⁵ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович... С. 25.

⁴⁶ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 2009. Т. 1. С. 103–105 и др.

⁴⁷ Лавров А.С., Морохин А.В. Ревнители благочестия. Очерки церковной и литературной деятельности. СПб., 2021. С. 5–25.

⁴⁸ Там же. С. 47.

⁴⁹ Там же. С. 25.

⁵⁰ Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 79.

⁵¹ Лавров А.С., Морохин А.В. Ревнители благочестия... С. 210.

Автор видит гаранта благочестия, разумеется, в царе: «...занеже сам Утешитель Дух Святой zde сосуды своими полезная дому своему промышляет и благочестиваго царя сердце по воли хотения своего направляет»⁵². Отвечая своим оппонентам, неизвестный автор отстаивает право «благочестивого» царя укреплять веру: «Не вести ли, яко благочестивый царь во Христе дело апостольское патриархови и прочим архиереом делати споспешествует – о размножении веры и о утверждении благочестия и красоте церковней»⁵³. Предметом спора является церковное пение, при этом «прекословцы» говорят о необходимости безмолвной молитвы и рукоделия в духе исихастской традиции. «Прекословцам» приписывались слова: «Не пением бо великогласным благоверие познавается, и горлом красным чтый Бога, дела же отмещем его заповеди... Не убо украшение песнем и долгое пение есть спасающее человека, но страх Божий и соблюдение заповедей Христовых»⁵⁴. Из-за этих вполне традиционных для исихастской книжности высказываний автор «Спорных речей» обвинил своих оппонентов в ереси «калвинской, и люторской, и папешской»⁵⁵. Между тем оппоненты автора «Спорных речей» выступали против обязательного единообразия в богослужении, защищая возможность индивидуальной молитвы.

Н.В. Савельева впервые обозначила ряд новых рукописей, содержащих тексты, относящиеся к дореформенным дискуссиям, и показала, что они затрагивают не только тему единогласия, но и тему целования икон, чтения, обращенного к востоку, поведения нищих⁵⁶. Но исследовательница называет эти тексты «литературным наследием ревнителей древлего благочестия», что, на наш взгляд, усложняет проблему, так как «ревнители древнегo благочестия», как будет показано ниже, стало самоназванием противников реформ и перенос этого названия на деятелей предшествующего периода затрудняет понимание позиций спорящих сторон.

В своем покаянном послании к царю 1667 г. Григорий Неронов называл Алексея Михайловича «благочестивейшем, тишайшим и святопомазанным, и равноапостольным»⁵⁷, т.е. для него Алексей Михайлович остался поборником благочестия.

Концепт «древнегo благочестия» у противников реформ. Идея о превосходящем все страны благочестии на Руси стала основной темой Сказания об учреждении патриаршества, помещенного на первых дополнительных листах Кормчей в издании 1653 г.⁵⁸ После выхода Кормчей Сказание постоянно цитируется у писателей – противников реформ для доказательства правильности их позиции. Ссылка на Сказание есть в сочинениях Соловецкого инока Геронтия, Соловецкого архимандрита Никодима, иерея Никиты Добрынина, инока Авраамия, в Ответах Александра дьякона, Поморских ответах и во многих других старообрядческих сборниках. Так как мы подробно рассмотрели этот сюжет в специальной статье⁵⁹, то не будем останавливаться на нем. Несомненно, что для формирования протестного движения текст Сказания имел исключительно важное значение, а сама идея цветущего до патриарха Никона благочестия на Руси полностью вошла в старообрядческую традицию.

У протопопа Аввакума «благочестие» употреблялось в дискурсе противопоставления истинной веры «ереси» латинства. Так, «Папа Фелик» «держа во церкви старое благочестие»⁶⁰, но в римской церкви «ереси одоле благочестие»⁶¹. Так как Аввакум воспринимал

⁵² Лавров А.С., Морохин А.В. Ревнители благочестия... С. 210.

⁵³ Там же. С. 212.

⁵⁴ Там же. С. 229.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Савельева Н.В. О литературном наследии «ревнителей древлего благочестия» // Русская литература. 2022. № 1. С. 161–176.

⁵⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 240.

⁵⁸ Кормчая. М., 1653. Л. 1–37. Воспроизведение: Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 412–443.

⁵⁹ Белякова Е.В. Место печатной Кормчей в формировании идеологии старообрядчества // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 74–90. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-06.pdf> (дата обращения: 16.12.2023).

⁶⁰ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Книга первая. Вып. 1. Стб. 274.

⁶¹ Там же.

реформы Никона как отпадение в латинство, то соответственно и трактовал их как угрозу «благочестию»: «...яко нынешнии скрытые волцы не отчасти недугуют еретичеством, но всполным и явным отступлением дышут противу истиннаго благочестия, яко пси лают на рождшую их превозлюбленную свою мать, апостольскую глаголю церковь»⁶². В этом же контексте, по-видимому, и возникло понятие «древнее благочестие», которое противопоставлялось «новой ереси»: «Занеже ныне они самоволне себя ему вручили и перепечаталися его скверною печатью по всем удом своим. От которого печатления и свободится не возмогут и возникнути ясно, на первый свой древний благочестия свет»⁶³. Аввакум утверждал, что, не имея благодати Святаго Духа, нынешние отступники «связуют своими неправильными клятвами», чтобы не попускать людям «держати древняго церковнаго отцепеданнаго благочестия»⁶⁴. В Книге бесед (Беседа 7-я) Аввакум призывал остерегаться «от их нынешних нововнесенных вселукавых кривоправильных догматов, во всем противных и чуждых древнему благочестию»⁶⁵ и обращался к читателю: «Присмотрися по сему, рачителю древнего благочестия, аще истинно быти желаеши хранителем душевного своего спасения, на древле бывших в разные времена отступников римских, предтеч антихристовых, плевелосеятелей и искоренителей церковных преданий и обычаев»⁶⁶. Протопоп призывал принять муки за благочестие: «За что ныне и мы страждем, и всех вас слышащих утверждаем о прелести отступления оберегаться <...> и мужески за благочестие предаватися на различныя мук терзания, или как кому Бог благоволит»⁶⁷. Под «древним благочестием» понимались неповрежденные латинской «ересью» или «никоновскими новинами» церковное предание и существовавшие обычаи.

Вся последующая старообрядческая традиция едина в утверждении того, что Россия прежде «сияла благочестием» и именно поэтому была названа Третьим Римом. Корнилий Выговский ссылался на высказывания патриарха Феофана Иерусалимского, но не из Сказания, а слышанные (согласно его утверждению) им лично от патриарха: «И по мнозей беседе глаголя святейший патриарх Феофан во услышание всем ту бывшим и мне грешному, сия слышавшу: “Воистину глаголю вам, отцы и братия: ныне во всей поднебесной едино солнце сияет, так и в Московском государстве благочестием православная вера просвещается и светится”»⁶⁸. На Повесть о белом клобуке ссылался старец Евфросин в Отразительном писании: «Понеже наша Русь угодна бе Богу и велика, и широка, и верою высока, и Третий Рим наречется благочестия ради, святыми бо украсися и яко небо звездами упестрися <...> И ангел, и Сильвестр, и Константин с небе сошед, поведаша Филофею Царя града патриарху, яко вся верная царства преидоша и во едино Руское снидошася и всяко благочестие и святыня в Руси собрася»⁶⁹. Здесь важно отметить, что в аргументации добавилась и тема русских святых, которые свидетельствовали в пользу воссиявшего на Руси благочестия.

В Отразительном писании инока Евфросина 1691 г.⁷⁰ повествуется, что «ревность по благочестию» стала причиной самосожжений, так как соблюсти благочестие стало невозможно. Евфросин цитирует послание от имени протопопа Аввакума: «...обретошася мужи ревниви, и уразумев проказу и отступление и ревнующе по благочестии, болезнующе душами своими, со женами и детми собирающесе в дома, помышляюще, да како могут

⁶² Памятники истории старообрядчества XVII в. ... Стб. 311.

⁶³ Там же. Стб. 312.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Стб. 322.

⁶⁶ Там же. Стб. 323.

⁶⁷ Там же. Стб. 326.

⁶⁸ *Брецинский Д.Н.* Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность по материалам Пушкинского дома. Л., 1985. С. 72.

⁶⁹ Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 / изд. Лопарев Х.М. СПб., 1895. С. 9, 95.

⁷⁰ Об Отразительном писании и его авторе: *Елеонская А.С.* «Отразительное писание» инока Евфросина как памятник русской публицистики к. XVII в. // МГПИ им. В.И. Ленина. Ученые записки. № 363. Лит. древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 301–311; *Елеонская А.С.* Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978. С. 186–231.

соблюсти благочестие без отступления, того ради сожигашу себя сами»⁷¹. Именно невозможность следовать благочестию толкала людей на смерть. Из Отразительного писания следует и другой вывод: у старообрядцев не было согласного понимания, как сохранить благочестие. Сжигать себя, сжигать книги и иконы, спасая их от осквернения, было, по мнению авторов Отразительного писания, противников самосожжений, «зело мерзко и благочестию ненавистно»⁷². Чтобы отвратить сторонников самосожжения от их намерений, противники самосожжений грозили им несовершенством над ними поминальных обрядов, что разрушало концепцию благочестия. Сторонники огненной смерти считали, что поступают так «по церковному преданию, по апостольскому узаконению, по благочестивому христианскому обыновению»: «Да не поклонимся антихристу, но да соблюдем цело благочестие»⁷³.

Нижегородские и выговские книжники прямо утверждали, что по старопечатным книгам можно сохранять «церковное благочестие»: «Новосотворенное отложение старопечатных книг сомнительно зело, и за содержание по сим староцерковного благочестия гонительство и мучительство несть благое дело»⁷⁴. В Ответах Александра дьякона употребляется понятие «староцерковное благочестие»⁷⁵. Для нашей темы особенное значение имеет приложение к Ответам Александра дьякона под заглавием «О великороссийском благочестии, и в кая лета начася смущение». В нем содержится все тот же тезис о сиявшем ранее благочестии: «Великороссияне, егда прияша от православных греков, от святых восточных церкви веру: крещение, епископы, книги и весь чин церковный, тогда сияше наше благочестие, якоже солнце среди круга небеснаго, и оттого времени Русия веру и чины греческия исполна хранит и держит, якоже о том свидетельствует Книга святая о вере»⁷⁶. И в этом же приложении содержался протест против новых книг: «Они же, видевшие народное смущение, того ради учиниша новоизданные книги своих новшеств на оправдание, древних же благочестивых преданий церковных на охуление и низложение, да привлекут теми в согласие свое»⁷⁷. Итак, благочестие опять связано с книгами, но уже со старопечатными.

Страдания за благочестие. В выговской литературной школе тема благочестия развивалась во всех жанрах, и сложился общий дискурс. В Слове надгробном Петру Прокопьеву, написанном в 1719 г., Андрей Денисов связывал «святых отец древнее благочестие» с отечеством и всей Поморской страной, называл его «прародительным наследием»⁷⁸ и писал о гонениях «за содержание древняго святоотеческаго благочестия»⁷⁹. Но носителями благочестия выступали и конкретные люди: «И тако древлеправославное благочестие храняшеся и проповедовашеся и в домех благочестивых богобоязливых мужей светяшеся, и пустынная места благочестивыми от гонения наполневахуся»⁸⁰. Не будет преувеличением сказать, что тема страданий за благочестие стала основным содержанием Винограда Российского Семена Денисова. Как отмечает Е.М. Юхименко, тенденциозность этого памятника проявляется «не в искажении, но в умалчивании о некоторых фактах и в старообрядческой трактовке событий»⁸¹. Исследования Е.М. Юхименко и других авторов показывают, что малоизученный старообрядческий мартиролог во многом подтверждается следственными источниками. Это сочинение, датируемое 1730-ми гг.⁸², стало важной вехой в формировании

⁷¹ Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей... С. 18.

⁷² Там же. С. 110.

⁷³ Там же. С. 109.

⁷⁴ Ответы Александра дьякона (на Керженце), поданные нижегородскому епископу Питириму в 1719 г. Беспл. прилож. к журналу Старообрядец 1906 г. (переизд. 1994. Б.м.). С. 178.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 291–292.

⁷⁷ Там же. С. 292.

⁷⁸ Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 1. С. 43.

⁷⁹ Там же. С. 44.

⁸⁰ Там же. С. 45.

⁸¹ Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговской старообрядческой пустыни в XX в.: возможность объективного изучения // Чтения Отдела русской литературы XVIII в. Вып. 8. Русская литература XVIII столетия в науку XX в. М.; СПб., 2018. С. 52.

⁸² Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 198, 208.

старообрядческой идеологии. Практически на каждом листе этого памятника несколько раз употребляется слово «благочестие». Как и в других старообрядческих текстах, утверждается цветение и сияние до «изменения благочестия»⁸³. Во Введении воспроизводился с предельной четкостью средневековый концепт «благочестивой земли»: «Бяше убо российская земля бяше, елико пределами, толико благочестием весма изобильна, елико странами, толико православием зело пребогата»⁸⁴. Великий князь Владимир «взыска светлость пресветлаго сионскаго благочестия на востоце», «всю Россию привед во благочестие процвети», «не бяше града, идеже благочестия свет не сияше»⁸⁵. Здесь тоже давалась отсылка к Сказанию об учреждении патриаршества из Кормчей и воспроизводились слова патриарха Иеремии о превосходящем все страны российском благочестии. Но благочестие это уже определялось как «древнее». Важным свидетельством его истинности выступали русские святые: «А понеже святии россистии древнее благочестие держаше угодиша Богу, явственно есть, яко право благочестие содержажу»⁸⁶. Реформа трактуется как «настание мятежев, ущербление благочестия», «изменение благочестия»⁸⁷. Соответственно противники реформы «яко столпы в древлецерковном благочестии стояше»⁸⁸. «Стояние за благочестие» – так характеризуется позиция и епископа Павла Коломенского, и протопопа Аввакума («за древнее благочестие <...> страсготерпческою смертию огнесожжения осужден»), и дьякона Федора («так в древлецерковном благочестии крепко утверждашесь») ⁸⁹, и священника Лазаря («свободным языком древлецерковное поведаше благочестие»), и всех попавших в этот скорбный мартиролог, содержащий около 70 глав. О каждом из страдальцев сообщается как о «содержателе» древнего благочестия. Упомянуто «благочестие» в описаниях большинства мучений, когда от арестованных мучители требовали «да отвержется древлецерковнаго благочестия»⁹⁰, «да отступит древлецерковнаго благочестия»⁹¹, а преследуемые утверждали, что «страждут за благочестие»⁹² или «в той пламень за благочестие готова вступити»⁹³, «еже в древлецерковнем благочестии незыблемо стояти»⁹⁴, «сладце за отеческое благочестие и раны и всякия страдания понести готов есмь»⁹⁵.

Сторонники и сочувствующие староверам назывались «древнего благочестия любители»⁹⁶. В повествовании о Никите Суздальском и стрелецком бунте говорилось, что «воини россистии всех стрелецких приказов возревноваша о благочестии» и решили «просити царствующих монархов о древнем благочестии»: «Да повелят быти древнему благочестию совершаему»⁹⁷. Таким образом, стояние в древнем благочестии и отказ отступить от него считались главными причинами мученической смерти. Выработанный Семеном Денисовым способ описания противостояния стал доминирующим в старообрядческой литературе и определил в дальнейшем идеологию староверия. Благочестие однозначно понималось как верность дониконовскому обряду. Вернуть благочестие могли бы царствующие монархи, отказавшись от новоисправленных книг. Семен Денисов избегал обличений и характеристик новых церковных порядков, его не интересовало разделение обязанностей церковных и светских деятелей в преследованиях староверов. Он подчеркивал свирепость и жестокость мучителей.

⁸³ РГБ. Ф. 238 (собр. Н.И. Попова), № 6. Л. 9.

⁸⁴ Л. 8 об.

⁸⁵ Л. 9.

⁸⁶ Л. 11 об.

⁸⁷ Там же. Л. 12, 17.

⁸⁸ Там же. Л. 34 об.

⁸⁹ Там же. Л. 48, 51.

⁹⁰ Там же. Л. 79 об.

⁹¹ Там же. Л. 153.

⁹² Там же. Л. 80–81 об.

⁹³ Там же. Л. 133 об.

⁹⁴ Там же. Л. 145.

⁹⁵ Там же. Л. 146.

⁹⁶ Там же. Л. 137.

⁹⁷ Там же. Л. 94–94 об.

Как показывает Е.М. Юхименко, следственные дела донесли более живую речь гонимых. Так, каргопольский стрелец Иван Ульяхин говорил на допросе: «Каяться де нам некому, покаемся де мы небу и земли, а какие де у вас попы, нет де благочестия, ни церквей, все де ныне не церкви – костелы»⁹⁸. Эти слова также являются свидетельством об актуализации темы благочестия для подвергавшихся жестоким репрессиям.

Обличители староверов пытались отобрать у них право считать себя защитниками благочестия, и эта тенденция составила важный компонент обличительной полемики. Так, Димитрий (Туптало), митрополит Ростовский и Ярославский, в своем многократно переиздававшемся «Розыске о раскольнической брынской вере» восставал против именования староверов благочестивыми, доказывая, что их вера – новая: «То истинная вера? То ли старая вера? Тую ли Владимир от грек принесет? То ли православное исповедание? То ли христианство благочестивое?»⁹⁹ Автор еще раз подчеркивает эту мысль: «А понеже древнее церковное благочестивое обыкновение отместете, убо несть в вас древняя Российския веры, но некая новая»¹⁰⁰. Патриарха Никона он именовал не иначе как «благочестивым»¹⁰¹. Димитрий называл староверов «неблагочестивыми мучениками»: «Нынешнии же неблагочестивии мученики раскольническии, и несть гонения за Христа, и никтоже принуждает их ко отвержению Христа... не за Христа бо страждут, но за свое упрямство»¹⁰². Последнее высказывание возвращает нас к постановлениям Собора 1666–1667 гг., который рассматривал противников реформ прежде всего как «непокорников»¹⁰³.

Несколько измененный дискурс о благочестии звучит в сочинении Андрея Борисова, будущего киноарха выговского общежительства «Предисловие общественное», составленном на рубеже 1760–1770-х. Оно написано уже спустя сто лет после реформ патриарха Никона и после петровских реформ, приведших к значительным изменениям в русской культуре, а также после окончательного формирования идеологии выговского общежительства. О Семене Денисове («Симеоне Дионисиевиче») автор вполне традиционно замечал, что он не только «словесным наказанием благочестие удостоверяше», но и сам заявлял, что «аще бы и смертью меня казнили, никогда же святаго благочестия отвратити возмogli»¹⁰⁴. Но в этом тексте сияние благочестия – это атрибут уже Выговской пустыни, о которой известно даже во «многих иностранных землях»¹⁰⁵: «А особливо за непременно имение древлецерковного благочестия, колико оно есть преславно, яко не точию всей России ведомо, но во многих и иностранных землях знаемо суть, и многие удивления принуждаемы глаголати про сие сияющее благочестием святое место»¹⁰⁶. Обозначение Выгореции как «благочестивого места» трижды повторялось в этом небольшом тексте. В нем также содержалось и обращение к «благочестивому читателю». Автор употреблял и конструкцию «любители древняго святаго благочестия», имея в виду своих читателей¹⁰⁷.

Заключение. Итак, мы видим значительные изменения в концепте «благочестия» в течение XVII – начале XVIII в. С одной стороны, староверие усвоило пришедшее из XVI в. представление о сияющем на Руси благочестии. Но теперь оно связывалось исключительно с прошлым, с дониконовскими временами. Именно благодаря староверческой традиции эта средневековая концепция благочестивой земли продолжала сохраняться в русской культуре Нового времени. Произошло и сужение этого представления: благочестивым местом

⁹⁸ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь... С. 218.

⁹⁹ Димитрий (Ростовский). Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их, и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дел их не богоугодна. М., 1855. С. 56.

¹⁰⁰ Там же. С. 75.

¹⁰¹ Там же. С. 487.

¹⁰² Там же. С. 615–616.

¹⁰³ Белякова Е.В. Соборы 1666 и 1666–1667 и складывание стереотипов восприятия староверов // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения (К 400-летию со дня рождения протопопы Аввакума). М., 2020. С. 419–437.

¹⁰⁴ Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства... С. 81–82.

¹⁰⁵ Там же. С. 80.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. С. 82.

осталась только Выговская пустынь. Здесь благочестие сияло по-прежнему. Верность благочестию определялась следованием древним книгам. Гонения на староверов объяснялись намерением искоренить благочестие, а противники реформ «стояли» в благочестии, даже когда их пытали, мучили и казнили. Страдания за древнее благочестие – лейтмотив выговской книжности. Что касается царей, то они все по-прежнему считались благочестивыми вплоть до реформ патриарха Никона. И после Соборов 1666–1667 гг. от царей ждали возвращения к благочестию, но самих их уже не признавали благочестивыми.

Концепция распространения благочестия царем через книжное исправление, характерная для изданий 30–40-х гг. XVII в., не получила дальнейшего распространения, тем не менее она может объяснять признание обществом за царем права на церковные реформы и принятие их. В изданиях Киевской митрополии постоянно звучала тема благочестия Восточной церкви. Здесь также назывались благочестивыми читатель и издатель. Эта этикетная формула вошла и в московскую книжность. Она встречается и в текстах староверов в XVIII в.

Но русская книжность этого времени уже стала очень разнообразной. Мы не затрагивали тему концепта благочестия у писателей нового поколения: Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского и др., так как эта тема требует особого исследования.

В официальных церковных текстах конца XVII в. концепция «благочестивого царя» и «благочестивого царства» сохранялись, хотя и значительно изменились. Так, в послании патриарха Адриана 1690 г. и в восходящем к нему послании 1696 г. Афанасия Холмогорского только при обращении к воинам говорилось: «Воины сущии всякого чина благочестивым царем верно служить и бодрствуйте за православную веру и за все благочестивое царство»¹⁰⁸ (У Афанасия Холмогорского – «благочестивейшему царю»¹⁰⁹). При этом в обоих посланиях предписывалось христианам жить по «восточному благочестию»¹¹⁰. Этот странный эпитет восходил, несомненно, к хорошо известному по киевским изданиям «благочестию Восточной церкви» и звучал как антитеза «древнему благочестию» у староверов.

С начала XVIII в. в России стал распространяться и пиетизм, возникший в лютеранской традиции. Он шел в Россию разными путями: через реформаторские приходы Москвы, через шведских пленных, через переводы сочинений пиетистов и сочинения церковных иерархов¹¹¹. Пиетизм принес новый концепт личного благочестия, внутреннего изменения человека. Однако представление о сиявшем на Руси благочестии сохранилось в русской культуре вплоть до новейшего времени. Оно способствовало и созданию мифологии о России как последнем оплоте православия.

Литература

Белякова Е.В. Соборы 1666 и 1666–1667 гг. и складывание стереотипов восприятия староверов // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения (К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума) / отв. ред. В.Н. Захаров. М.: ИРИ РАН, 2020. С. 419–437.

Белякова Е.В. Место печатной Кормчей в формировании идеологии старообрядчества // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 74–90. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-06.pdf> (дата обращения: 16.12.2023).

¹⁰⁸ Есинов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1863. Т. 2. Приложения и материалы. С. 85.

¹⁰⁹ Панич Т.В. Окружное послание 1696 г. Афанасия Холмогорского // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 257.

¹¹⁰ Есинов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия... С. 77; Панич Т.В. Окружное послание 1696 г. Афанасия Холмогорского... С. 249, 250.

¹¹¹ Belyakova E., Leber T. Die Verbreitung des Pietismus in Russland und die Kirchenreformen in der Zeit Peters des Großen // Ausstrahlung der Reformation (Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- & Kulturbeziehungen an der RGGU Volume: 22). М., 2020. S. 45–65.

Белякова Е.В. Особенности употребления понятия «благочестие» в XVI в // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 1 (91). С. 18–25.

Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 496 с.

Брежневский Д.Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность по материалам Пушкинского дома. Л.: Наука, 1985. С. 62–108.

Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 379 с.

Елеонская А.С. «Отразительное писание» инока Евфросина как памятник русской публицистики к. XVII в. // МГПИ им. В.И. Ленина. Ученые записки. № 363. Лит. древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 301–311.

Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII в. М.: Наука, 1978. 268 с.

Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. Т. 1, 2. 688 с.

Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад: Тип. Св-Троицкой Сергиевой лавры. 1909. Т. 1. 524 с.

Лавров А.С., Морохин А.В. Ревнителю благочестия. Очерки церковной и литературной деятельности. СПб.: Наука, 2021. 336 с.

Логотова М.Г. *Devotio moderna* // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XIV. С. 280–282.

Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 431 с.

Панич Т.В. Окружное послание 1696 г. Афанасия Холмогорского // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. С. 241–264.

Покровский Н.Н. Степенная книга царского родословия и ее новое издание // *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness*. Ed. by Lenhoff Gall, Kleimola Ann. V. 7. UCLA Slavic Studies. New Series. Bloomington; Indiana: Slavica Publishers, 2011. P. 3–10.

Романова А.А. «Мир с Богом человеку» Иннокентия Гизеля: несколько штрихов к истории издания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2007. № 3. С. 88–89.

Савельева Н.В. О литературном наследии «ревнителю древлего благочестия» // Русская литература. 2022. № 1. С. 161–176.

Савельева Н.В. Издательская политика Московского печатного двора от «Книги о вере» до «Анфологиона» // *Quaestio Rossica*. 2022a. Т. 10, № 4. С. 1463–1482.

Титова Л.В. К вопросу о происхождении сокращенной редакции «Ответа православных» дьякона Федора Иванова // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 3–7.

Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.

Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.

Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговской старообрядческой пустыни в XX в.: возможность объективного изучения // Чтения Отдела русской литературы XVIII в. Вып. 8. Русская литература XVIII столетия в науке XX в. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. С. 45–56.

Belyakova E., Leber T. Die Verbreitung des Pietismus in Russland und die Kirchenreformen in der Zeit Peters des Großen // *Ausstrahlung der Reformation (Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- & Kulturbeziehungen an der RGGU. Volume: 22)*. Moskau, 2020. S. 45–65.

Hamm B. Religiosität im späten Mittelalter (Spannungspole, Neuaufbrüche, Normierungen). Hrgb. Friedrich R. und Simon W. Tübingen: Mohr Siebeck, 2011. 620 s.

Jung M.H. Frömmigkeit und Theologie bei Philipp Melanchthon: das Gebet im Leben und in der Lehre des Reformators (Beiträge zur historischen Theologie: 102). Tübingen: Mohr Siebeck, 1998. 399 s.

References

Belyakova, E.V. (2020). Sobory 1666 i 1666–1667 gg. i skladyvanie stereotipov vospriyatiya staroverov [Councils of 1666 and 1666–1667 and the Formation of Stereotypes of Perception of Old Believers]. In *Staroobryadchestvo v istorii i kul'ture Rossii: problemy izucheniya (K 400-letiyu so dnya rozhdeniya protopopa Avvakuma)*. Otv. red. V.N. Zaharov. Moscow, IRI RAN, pp. 419–437.

Belyakova, E.V. (2023). Mesto pechatnoy Kormchey v formirovanii ideologii staroobryadchestva [The Place of the Printed Kormchaia in the Formation of the Ideology of the Old Believers]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 2 (28), pp. 74–90. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-06.pdf> (date of accessed 16.12.2023).

Belyakova, E.V. (2023). Osobennosti upotrebleniya ponyatiya “blagochestie” v XVI v. [Features of Using the Concept of “Piety” in the 16th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 1 (91), pp. 18–25.

Belyakova, E., Leber, T. (2020). Die Verbreitung des Pietismus in Russland und die Kirchenreformen in der Zeit Peters des Großen. In *Ausstrahlung der Reformation (Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- & Kulturbeziehungen an der RGGU. Volume: 22)*. Moskau, ss. 45–65.

Belyakova, E.V., Moshkova, L.V., Oparina, T.A. (2017). *Kormchaya kniga: ot rukopisnoy traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu* [The Kormchaya Kniga: From the Manuscript Tradition to the First Printed Edition]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 496 p.

Breshchinskiy, D.N. (1985). Zhitie Korniliya Vygovskogo pahomievskey redaktsii (teksty) [Life of Cornelius Vygovsky, Pachomiev Edition (Texts)]. In *Drevnerusskaya knizhnost' po materialam Pushkinskogo doma*. Leningrad, Nauka, pp. 62–108.

Eleonskaya, A.S. (1970). “Otrazitel'noe pisanie” inoka Evfrosina kak pamyatnik russkoy publitsistiki k. XVII v. [“Otrazitel'noe Pisanie” by the Monk Euphrosyn as a Monument of Russian Publicism in the 17th Century]. In *Uchenye zapiski MGPI im. V.I. Lenina*. No. 363. *Literatura drevney Rusi i XVIII v.* Moscow, pp. 301–311.

Eleonskaya, A.S. (1978). *Russkaya publitsistika vtoroy poloviny XVII v.* [Russian Publicism of the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Nauka. 268 p.

Gur'yanova, N.S. (2007). Staroobryadtsy i tvorcheskoe nasledie Kievskoy mitropolii [Old Believers and the Original Heritage of the Kiev Metropolis]. Novosibirsk, SO RAN. 390 p.

Hamm, B. (2011). *Religiosität im späten Mittelalter* (Spannungspole, Neuaufbrüche, Normierungen). Hrgb. Friedrich R. und Simon W. Tübingen, Mohr Siebeck. 620 s.

Jung, M.H. (1998). Frömmigkeit und Theologie bei Philipp Melanchthon: das Gebet im Leben und in der Lehre des Reformators (Beiträge zur historischen Theologie: 102). Tübingen, Mohr Siebeck. 399 s.

Kapterev, N.F. (1909). *Patriarh Nikon i Car' Aleksey Mihaylovich* [Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich]. Sergiev Posad, Tip. Sv-Troitskoy Sergievoy lavry. Vol. 1. 524 p.

Lavrov, A.S., Morohin, A.V. (2021). “Revniteli blagochestiya”. *Ocherki tserkovnoy i literaturnoy deyatel'nosti* [“Zealots of Piety”. Essays on Church and Literary Activities]. St. Petersburg, Nauka. 336 p.

Logutova, M.G. (2007). Devotio moderna. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow. Vol. XIV, pp. 280–282.

Oparina, T.A. (1998). *Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie Kievskoy mitropolii* [Ivan Nasedka and the Polemical Theology of the Kiev Metropolis]. Novosibirsk, Nauka. 431 p.

Panich, T.V. (2004). Okruzhnoe poslanie 1696 g. Afanasiya Holmogorskogo [District Epistle of 1696 by Athanasius Kholmogorsky]. In *Istoricheskie istochniki i literaturnye pamyatniki XVI–XX vv.: Razvitie traditsiy*. Novosibirsk, SO RAN, pp. 241–264.

Pokrovskiy, N.N. (2011). *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya i ee novoe izdanie* [The Degree Book of the Royal Genealogy and its New Edition]. In *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness*. Ed. by G. Lenhoff, A. Kleimola. Vol. 7 (UCLA Slavic Studies. New Series). Bloomington, Indiana, Slavica Publishers, pp. 3–10.

Romanova, A.A. (2007). “Mir s Bogom cheloveku” Innokentiya Gizelya: neskol’ko shtrihov k istorii izdaniya [“Peace with God for Man” by Innocent Gisel: A Few Touches on the History of the Publication]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. No. 3, pp. 88–89.

Savel’eva, N.V. (2022). O literaturnom nasledii “revniteley drevlego blagochestiya” [On the Literary Heritage of the “Zealots of Ancient Piety”]. In *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 161–176.

Titova, L.V. (2011). K voprosu o proiskhozhdenii sokrashchennoy redaktsii “Otveta pravoslavnykh” d’yakona Fedora Ivanova [On the Question of the Origin of the Abridged Version of the “Response of the Orthodox” by Deacon Fyodor Ivanov]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 3–7.

Yuhimenko, E.M. (2002). *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn’*. *Duhovnaya zhizn’ i literatura* [Vygovskaya Old Believer Hermitage. Spiritual Life and Literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul’tury. Vol. 1. 544 p.

Yuhimenko, E.M. (2008). *Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchzhitel’stva* [Literary Heritage of the Vygov Old Believer Community]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur. Vol. 1. 688 p.

Yuhimenko, E.M. (2018). Literaturnoe nasledie Vygovskoy staroobryadcheskoy pustyni v XX v.: vozmozhnost’ ob’ektivnogo izucheniya [The Literary Heritage of the Vygov Old Believer Hermitage in the 20th Century: The Possibility of Objective Study]. In *Chteniya Otdela russkoy literatury XVIII v. Vyp. 8. Russkaya literatura XVIII stoletiya v nauke XX v.* Moscow, St. Petersburg, Al’yans-Arheo, pp. 45–56.

Zen’kovskiy, S.A. (2009). *Russkoe staroobryadchestvo* [Russian Old Believers]. Moscow, Institut DI-DIK, Kvadriga. Vol. 1, 2. 688 p.